

«Я ночного певца не спугну...»

Мотив пения и образ ночи в лирике А. Фета и А. Блока

© С. А. МАКАРОВА,
кандидат филологических наук

Тема «Фет и русский символизм» – объемная и глубокая одновременно, поэтому в данной статье исследуется одна из ее очевидных граней: взаимосвязь поздних поэтических сборников А. Фета «Вечерние огни» и первого тома ранней лирики А. Блока, сопоставляются образы ночи, луны, звезд; мотивы пения, звучащего хора. Особый акцент делается на семантических нюансах образов, контекстуальной полисемии мотивов в напевной лирике Фета и Блока рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: традиции и новаторство, лексические значения, ассоциативность, импрессионистичность, музыкальность, тропы, образ-символ, мелодические приемы, метро-ритмика поэтической речи.

Topic «Fet and the Russian Symbolism» is big and deep at the same time, however, in this article we are going to explore one of its obvious sides: the connection of one of the latest poetry books by A. Fet «Evening lights» and the first volume of the early lyric poetry by A. Blok. The article compares the images of the night, the moon, the stars; the motives of singing and sounding chorus. Particular emphasis is placed on the semantic nuances of images, contextual polysemy of the motives in the XIX–XX centuries.

Key words: tradition and innovation, lexical meanings, associativity, impressionistic, musicality, tropes, image, symbol, melodic techniques, metro-rhythmic of the poetic speech.

Русский символизм, заявивший о себе в качестве нового художественного течения в 1894–1895 годах выходом в свет трех сборников «Русские символы», объективно ориентировался как на развитие традиций (не случайно некоторые литературоведы называют символизм неоромантизмом), так и на

новаторство (символизм справедливо рассматривают в контексте модернизма рубежа XIX–XX веков). При этом сами символисты определили тот поэтический вектор, который для них был эстетически значим, — лирика В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Но творчество Фета было буквально «мифологизировано» символистами: в содержательном плане им оказались близки импрессионистичность идей и мотивов, эмоциональность лирических ситуаций и сюжетов, многозначность художественных образов и деталей; с точки зрения формы фетовские произведения были для символистов эталоном стихотворной «музыкальности», мелодической напевности, метро-ритмической импровизационности. В.Я. Брюсов прямо заявлял: «Многие стихотворения Фета смело могут быть названы символическими» [1. С. 142]. К.Д. Бальмонт учился у Фета в первую очередь «технике своего искусства» [Там же. С. 146]. Для А. Белого Фет — это своеобразное юношеское «посвящение» в тайны поэзии и важная тема переписки с А.А. Блоком 1903–1905 годов: «...Фет в восприятии поэтов рубежа XIX–XX веков оказался творцом, стоящим на грани реального и ирреального миров» [2. С. 68].

Между тем именно для Блока судьба и творчество Фета оказались настолько «впечатляющими», что сохранили исключительную значимость в течение всей жизни поэта-символиста. Он использует фетовские стихи в качестве эпиграфов к своим сочинениям («Сумерки, сумерки вешние...», 1901), посвящает мэтру «чистого искусства» стихотворение «Памяти А.А. Фета» (1898). Блок тонко чувствует фатальность жизненного пути Фета, поражаясь силой характера «чистого лирика»: «Этот мудрец с мальчишества, мужественный и умелый в житейских делах, с железною волей» [1. С. 150]. В 1915 году на анкетный вопрос «Какие писатели оказали наибольшее влияние?» Блок ответил: «Жуковский, Владимир Соловьев, Фет» [1. С. 147]. А в записных книжках 1919 года, за два года до смерти, Блок написал: «Занятия Фетом». «Он очень дорог мне», — пожалуй, самое сокровенное признание Блока в конце жизненного пути [3. С. 135].

Бесспорно, эстетика Фета повлияла не только на мировоззрение Блока, но также на его творчество, что объяснимо и близостью поэтических дарований, и «эпохальными» тенденциями. После длительного творческого молчания Фет с новой силой напомнил о себе сборниками «Вечерние огни» (выпуски 1883, 1885, 1888, 1891 годов), что совпало с эпохой предсимволизма, в то время как Блок создает лирические циклы первого тома буквально вслед за Фетом: «Antelucem» («До света», 1898–1900), «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), «Распутья» (1902–1904). Сопоставление позднего творчества Фета и ранних стихов Блока выявляет то, что сближало двух поэтов, но не менее важно и то, что значительно дистанцировало. Со всей очевидностью данные явления раскрываются через анализ мотивов и образов: обратимся к сравнению мотива пения

и образа ночи, которые стали в творчестве двух поэтов не просто важными, но лейтмотивными, сквозными с точки зрения структурообразования циклов, сборников, томов и философскими в плане лирического содержания и мировоззрения.

Итак, мотив пения в «Вечерних огнях» Фета проходит через все выпуски сборника, трансформируясь в лейтмотив и «лирическую интерпретацию» эстетических взглядов Фета. В поэзии XIX века Фет справедливо считается одним из самых «музыкальных» лириков, который стремился преодолеть возможности слова и приблизиться к экспрессии музыкального искусства. Развивая традиции романтиков, Фет восклицал: «Как беден наш язык!» [4]. И призывал на помощь звуки, музыку: «Я понял те слезы, я понял те муки, / Где слово немеет, где царствуют звуки». Вместе с тем именно жанры песни, романса, вокальное искусство были наиболее любимы Фетом в сравнении с жанрами инструментальной музыки. Увлеченный песнями Шопена, вокальными миниатюрами Бетховена, цыганскими романсами, Фет «переполняет» свои стихотворения лексемами «пою», «песня», «певец», «певица», «хоровод», «хор». Опираясь на слуховое восприятие мира, Фет насыщает художественное пространство пением. Поют в фетовской лирике практически все и всё: «истерзался песней / Соловей без розы», «Брачный гимн поет пчела», «Уж давно поет синичка», «Напевает нам фонтан», «Как тепло в нем звездный хор / Повторялся», — но чаще всех поют соловей и звезды.

Фету, мэтру «чистого искусства», была дорога прежде всего красота, но, в отличие от неземных пространств романтиков, красота реального мира и жизни действительной [3. С. 59–60]. К бесспорным проявлениям красоты мира, достойным «пения», Фет относит любовь, воспоминания, духовные переживания: «Не тебе песнь любви я пою, / А твоей красоте ненаглядной», «И нежности былой я слышу дуновенье, / И, содрогаясь, я пою».

Вместе с тем идея двоимирия в творчестве Фета раскрывается очень настойчиво. Помимо земной красоты есть тот идеальный мир, который отличается возвышенностью, непостижимостью и — самое главное — вечностью: «В ней и земля отражена / И задрожал весь хор небесный», «Нельзя пред вечной красотой / Не петь, не славить, не молиться». В поздний период творчества у Фета появляются пессимистические настроения, в «Вечерних огнях» звучит мотив неизбежной старости. Фет вопрошает: «Полуразрушенный, полужилец могилы, / О таинствах любви зачем ты нам поешь?». И отвечает: «Споет о счастье молодом / Моя стареющая лира». Душа поэта молода, она продолжает петь и даже бросает вызов смерти: «Пусть умру я, распевая / От восторгов и усилья».

Действительно, преодолеть страх смерти помогает творчество. Практически во всех стихотворениях на тему поэта и поэзии из «Вечерних огней» присутствует мотив пения. Истинная поэзия — это не просто слова,

это нечто нерациональное, космическое, полное «безумной прихоти певца». Поэзия для Фета — нечто таинственное, «музыкальное», это то, что не всегда произносится, но обязательно поется и исключительно на высокие темы: «Певцам, высокое нам мило». Поэзия-песнопенье — итог свободы творчества, избранничества: «Это песня: с крылатою песней / Будем вечно и явно любить», «Вот, чем певец лишь избранный владеет! / Вот, в чем его и признак, и венец!». К избранным поэтам-певцам Фет относит А.Н. Майкова (На юбилей А.Н. Майкова, 1888), Я.П. Полонского (Я.П. Полонскому, 1890). А собственное творчество он и вовсе считает своеобразным музыкальным «жертвоприношением» и «посвящением»: «Вам песнь моя» (Графине Н.М. С-ъ, 1888).

Но самым любимым музыкальным «посвящением» позднего Фета стала ночь — образ, который в «Вечерних огнях», многократно повторяясь, аналогично мотиву пения, превращается в лейтмотив: «И только что сумрак разгонит денница, / Смолкает зарей отрезвленная птица, — / И счастьем, и песне конец». Взаимодействие мотива пения и образа ночи позволяют говорить о «ноктюрности» «Вечерних огней».

Прежде всего ночь для Фета — это антитеза дня: «Встает мой день, как труженик убогой, / И светит мне без силы и огня». День — воплощение быта, «прозы» жизни; ночь — напротив, богатое духовное бытие человека, переживания, связанные с любовным чувством: «До зари потом всю ночь проплачу», «Если ночь унесла много грёз, много слёз». Ночь у Фета чаще всего дарит красоту, радость, свободу души, счастье: «Сияла ночь. Луной был полон сад... / Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, / Как и сердца у нас за песнею твоей»; «Есть ночи зимней блеск и сила, / Есть непорочная краса». Образ ночи сопровождается мотивами сна, сновидения, образами теней, луны, месяца, звезд. Ночь объективно связана с сумраком, темнотой, но фетовская ночь искрится, переливается, мерцает, сияет. В ночи загораются и виднеются огни — нечто манящее, идеальное. Фету хочется улететь с земли и приблизиться к сверкающим огням: мотив полета и образ огня очень часто встречаются в сборнике под фактически одноименным названием «Вечерние огни».

Как и в случае с мотивом пения, образ ночи в лирике Фета — это синоним загадочного, неземного: «В тиши и мраке таинственной ночи / Я вижу блеск приветный и милой». Непостижимое в ночном времени суток ассоциируется у Фета с вечным — ночь «переживает» смертного человека, навсегда сохранив сверхъестественное могущество и сияние неведомых огней: «Не жизни жаль с ее томительным дыханьем, / Что жизнь и смерть? А жаль того огня, / Что просиял над целым мирозданьем, / И в ночь идет, и плачет уходя».

Ночь в «Вечерних огнях» поэтизируется, эстетизируется, «украшается» Фетом, наделяется разнообразными эпитетами: *благовонная, благодатная, непорочная, таинственная, лазурная, серебряная*. Ночное время суток, как и луна, звезды, олицетворяются поэтом: «Одна звезда меж всеми дышит», «Молятся звезды», «Дыханьем ночи обожгло», «Росою счастья плачет ночь». Ночь обретает в фетовской поэзии также метафорический смысл: она ассоциируется с несчастной любовью — «в полночной темноте безвременно горя», трагичностью бытия — «что жизни ночь над нами лишь сгустится», смертью человека — «ночь безрассветная и вечная постель».

Удивительно, но темному времени суток в «Вечерних огнях» исключительно редко сообщаются трагические интонации и функции скрытого сравнения — метафоры остаются едва ли не единичными. Лексема «ночь» практически всегда используется Фетом в прямом значении, задавая лирическую ситуацию в произведении. При этом художественный образ ночи в разных стихотворениях начинает «играть» самыми неожиданными семантическими оттенками, удаляющимися от прямого смысла, насыщаясь и обогащаясь контекстуальной полисемией, что связано с мировосприятием и творческой манерой поэта.

Сугубо «художественные преобразования слова» [5] в «Вечерних огнях» Фета объясняются повышенной субъективностью, захватывающим лиризмом, импровизационностью [1. С. 41]. Его поэтический стиль становится ассоциативным, многозначным, приближаясь к музыкальному языку, который лишен конкретики и обладает эмоциональностью и обобщенностью высказывания. Поэтическому языку сообщается импрессионистичность — Фету важно передать мгновенные состояния, индивидуальные впечатления [3. С. 101]. Он уводит читателя от прямых лексических значений к ассоциациям, переносным смыслам, полисемии, экспрессии контекста [6. С. 29–34]: «С какою негою желанья / Одной звезды искал в ночи, / Как я любил ее мерцанье, / Ее алмазные лучи. / Хоть на заре, хотя мгновенно, / Средь набежавших туч видна, / Она так ясно, так нетленно / На небе теплилась одна...». Бесспорно, ночь в процитированном стихотворении — это время суток, но в конкретном поэтическом контексте образ наполняется дополнительными семантическими оттенками. Ночь ассоциируется и с духовным «сумраком», «молчаливыми думами», с надеждой, возможным счастьем. Ночь — что-то непредсказуемое, отражающееся в «зеркале морей», а значит, «мерцающее», таинственное и почти всесильное.

От «музыкальных» экспериментов Фета со словом, поэтической речью — один шаг до символизма. Лексемы, образы в лирике Фета — «яркий пример “скольжения” между прямыми и переносными значениями» [3. С. 126], часто они «теряют свое основное значение и приобретают широкое и зыбкое переносное значение, связанное с основным по

эмоциональной ассоциации» [Там же. С. 85]. Образ ночи в «Вечерних огнях» Фета — это не образ-метафора и, конечно, не образ-символ; это контекстуальная полисемия, которая была усвоена и творчески преобразована символистами, прежде всего Блоком. Путь от «чистого искусства» Фета к символизму Блока — это не движение от метафоры к символу, а дальнейшее содержательное наполнение контекстуальной полисемии и ее трансформация в образ-символ.

Между тем семантическое «мерцание» образа ночи в раннем творчестве Блока предстает не только в более широком содержательном диапазоне, но и в другой философской тональности. До 1900 года, в самых ранних стихотворениях, Блок «перепевал» Фета. Сергей Соловьев абсолютно прав: «Во всем подражал Фету, идей еще не было, но пел» [7. С. 149]. Особенно это заметно в стихотворениях, не вошедших в основное собрание первого тома из «трилогии вочеловечения»: «Странно: мы шли одинокой тропью...» (1898), «Синеет день хрустальный...» (1898), «Распаленная зноем июльская ночь...» (1899). В блоковских «перепевах» Фета ночь — все те же красота мира, тайна, вечность, радость бытия, многообразия любовных переживаний. Но вместе с тем именно в раннем творчестве Блока, в лирических циклах первого тома наблюдается глубокое переосмысление, трансформация фетовского начала. «Параллелизм “душевного” и “природного”, воспринятый от Фета, сопрягается с мистическим осмыслением любовной темы у Владимира Соловьева и обретает почти невысказанный у Фета круг значений. “Природные знаки” становятся в лирике Блока мотивами грядущего мистического преображения жизни» [Там же. С. 150].

Прежде всего Блок расширяет контекстуальную полисемию образа ночи. Ночь для Блока — отражение трагической судьбы земного человека: «Мне друг один — в сыром ночном тумане / Дорога вдаль» [8]. Ночь — это тревога, грусть, страдание, мрак, разочарование, усталость, ужас, греховность, это символ старости и смерти: «Уходит ночь. Бежит сомненье», «Ночную тайну разрушит слово... / Помилуй, Боже, ночные души», «Вечереющий сумрак над нами / Обратился в желанный обман». Мрак ночи в ранней лирике Блока усугубляется городскими мотивами: «На небе зарево. Глухая ночь мертва... / Но явственно доносится молва / Далекое, неведомое града». Ночь наделяется Блоком самыми безрадостными определениями — *темна, холодна, тускла, мертва, безжизненная, непроглядная, черная, немая, глухая, непогодная, сумрачная*. Как и поздний Фет, ранний Блок использует образную оппозицию ночь — день. Но, в отличие от Фета, день в ранней лирике Блока — спасение от ночи, это свет, солнце: «Утром рано / Солнце выйдет из тумана», «Огонь погас — и рассвело», «Минует ночь, проснется долгий день».

Интересно, что в самом раннем цикле, «Antelucem», пессимистические идеи преобладают. «Стихи о Прекрасной Даме» — иные. Блоку

верится, что в жизненной «ночи» появится спасительная Она, вместе с неземной лирической героиней придет и божественное исцеление души, в ночном сумраке загорится звезда надежды, неземные песни возвестят о необходимости веры в грядущее: «И, Ясная, Ты с солнцем потекла», «Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах», «Ночью холодом веет с земли; / Утром белая церковь вдали». Но в лирическом цикле «Распутья» надежды гаснут, и лирического героя снова одолевают мрачные сомнения и ночные страсти.

Конечно, блоковская ночь – содержательный результат рубежной эпохи, следствие общественного «декаданса» и духовного «Апокалипсиса». При этом Блок не только переосмысливает фетовский образ ночи, он трансформирует поэтику «чистого лирика»: лиризм становится еще более насыщенным, эмоциональный диапазон произведений расширяется, импрессионистичность усложняется образами-символами (Рок, Звезда, Любовь, Таинственная Дева, Жена, Судьба). Лексема «ночь» обрастает такими многочисленными семантическими оттенками, на поэтический образ ночи ложится такой безмерный лиризм и контекстуальный смысл, что прямое значение слова становится «смещенным». К тому же к реальному миру в ранней лирике Блока добавляются мистические, ирреальные пространства, стихотворения наполняются символикой. «Два мира – здесь и там – оказываются уравненными, отраженными друг в друге, сопоставленными или противопоставленными» [6. С. 55]. Конкретный образ перерастает в сложный символ. «Чистое искусство» Фета преодолевается символизмом Блока.

Художественный мир раннего Блока – конфликтный, трагический, диссонансный. В связи с этим встает закономерный вопрос: «поет» ли муза Блока, подобно фетовской? Хватает ли Блоку возможностей поэтического слова с его символической безграничностью или поэт-символист тоже «рвется» навстречу музыке? Можно смело утверждать, что образная полисемия, символическая многозначность лирического контекста во многом и возникла благодаря блоковской ориентации на музыку, абстрактность музыкального высказывания. Музыки в стихе Блока стало еще больше, чем у Фета, о чем поэт-символист многократно высказывался в своих эстетических работах, статьях: «Генрих Ибсен» (1908), «Душа писателя» (1909), «О современном состоянии русского символизма» (1910), «О назначении поэта» (1921) и др. Но «поет» Блок иначе, чем Фет, и «поет» о другом.

Как и у Фета, песня в ранней лирике Блока – источник всего прекрасного. Но Блок не был «певцом» ночи, как и не воспевал земную жизнь: «Сумерки, сумерки вешние... / Отзвуки, песня далекая», «Ночью холодом веет с земли... / Все поют и поют вдальеке». Ночь «темна» и «холодна» – лирического героя спасает от мрака ночи «песня далекая». Ночь для Блока «немузыкальна» – пение слышится из других миров.

Действительно, носительницей прекрасного пения становится таинственная Она, нередко песня раздается из прошлого или грядущего, но чаще всего песня звучит из вечности и ассоциируется с чем-то спасительным, обнадеживающим и просветляющим: «Вокруг шумят бесчисленные крылья, / И песня тайная звенит», «Ветер принес издалека / Песни весенней намек». В ранней лирике Блока пение раздается из разных эпох, с мистических высот, песня почти ирреальна, но она возвышает душу лирического героя, который, будучи человеком земным и небезгрешным, готов слушать, преображаться и петь, пока ему поется: «Пока спокойною стою / Иду, и мыслю, и пою, / Смеюсь над жалкою толпою / И вздохов ей не отдаю».

Настойчивое звучание мотива пения в позднем творчестве Фета и ранней лирике Блока легко объяснимо. Это связано не только с увлеченностью двух поэтов музыкой и «музыкальной» нагрузкой лирического содержания стихотворений. Не менее явно мотив пения соотносится с развитием напевного стиха. Фет, экспериментировавший с ритмикой стиха в «духе музыки», владевший с редкой элегантностью поэта-музыканта мелодическими фигурами анафоры, эпифоры, эпанапестиса, эпанастрофы, довел до совершенства романсную композицию стихотворений, вложив в нее огромное эмоциональное содержание. Повышенный лиризм, усложнение интонационно-мелодической организации в творчестве Блока и других символистов привели к другой неизбежности — более смелому метро-ритмическому новаторству, отказу от классической силлаботоники и появлению дольника, тактовика, верлибра, декламационно-тонической системы стихосложения. Тревожные настроения «рубежной» эпохи нужно было выражать новыми художественными приемами. Роль Фета и Блока в стихотворных новациях конца XIX — начала XX века была без преувеличения огромной.

И все-таки насколько Фет и Блок были творчески близки, настолько оказались и бесконечно далеки. Отказавшись от автобиографических мотивов в лирике, противопоставляя «прозу» жизни и «поэзию» творчества, преодолевая пессимистические настроения и философию трагических страданий А. Шопенгауэра, Фет с неистовой силой воспевал красоту мира, при этом «полетно» удаляясь в фантазии о неземной тайне, всевластной вечности, магически прекрасном космосе, но исключая при этом мистику: «Еще люблю, еще томлюсь / Перед всемирной красотой». Подобные мотивы звучат и в раннем творчестве Блока, но их можно назвать скорее «фетовскими». Собственно «блоковскими» становятся идеи о катастрофичности бытия, сложной совместимости земного «здесь» — жестокого, разрушительного, мрачного и божественного «там» — мистического, идеального, притягательного: «Смотрю я в сумрак непробудный. / Но в долгий холод здешних стен / Порою страж нисходит чудный». Апокалиптические настроения, автобиографические

мотивы сочетаются у Блока с ностальгией по Вечной Женственности, спасительной миссии Прекрасной Дамы, с надеждой на нечто исцеляющее и вместе с тем грядущее. Фатально объединенные эпохой 1880–1890-х годов, Фет и Блок – пессимисты, не переставшие верить в Искусство, Любовь и Красоту, – «поют» совершенно по-разному: Фет завершает свой творческий путь мажорными интонациями, в то время как Блок сразу входит в литературный процесс поэтом-апокалиптиком.

Единство в противоположностях – Фет и Блок – совпали в главном: мироздание и человек – это вечные тайны, которые невозможно передать «обычным» словом, поэтическое слово должно обогатиться, преодолеть имманентные границы и приблизиться к музыке. В свою очередь, загадку ночи возможно выразить пением, синтезирующим экспрессию словесного и музыкального искусства. При этом Фет воспевал саму ночь, ее космическую красоту, а Блок – ирреальное, грядущее в ночи. «Я ночного певца не спугну», – писал Фет в стихотворении «Ключ». Фетовские «песни» были подхвачены Блоком: «...К чему слова пустые? / Спрошу одно: зачем Вам жизнь дана? / Чтоб вечно мчались песни неземные» («Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...», 1898).

Литература

1. *Маймин Е.А.* Афанасий Афанасьевич Фет. М., 1989.
2. А.А. Фет. Материалы и исследования. Выпуск 1. М., СПб., 2010.
3. *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1990.
4. *Фет А.А.* Вечерние огни. М., 1979.
5. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М., 1994. С. 10.
6. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
7. История русской литературы конца XIX – начала XX века. В 2 т. М., 2007. Т. 2.
8. *Блок А.А.* Собр. соч. В 6 т. М., 1971. Т. 1.

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН*